

Любимов Юрий 24.1.95.
Петрович

Юрий ЛЮБИМОВ.

«Я С ВЛАСТЯМИ НИКОГДА НЕ ВОЕВАЛ,
Я ВОЕВАЛ ТОЛЬКО ЗА СВОИ СПЕКТАКЛИ»,—
СКАЗАЛ ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР И ОСНОВАТЕЛЬ
МОСКОВСКОГО ТЕАТРА ДРАМЫ НА ТАГАНКЕ
ЗА НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ДО НАЧАЛА ПЕРВОГО
СПЕКТАКЛЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Рос. газ. — 1995. — 24 янв. — с. 8.

НИКОГДА НЕ ПРОСИЛ У СИЛЬНОГО

Спустя восемнадцать лет Таганка снова в городе на Неве. Теперь уже Санкт-Петербурге. Актеры приехали из Москвы, Любимов прилетел из Израиля, а на следующий день, за несколько часов до начала первого спектакля, он и артисты его театра дали пресс-конференцию в переполненном журналистами зале комитета мэрии по культуре.

Юрий Петрович принял цветы, передал их дамам, задержал на секунду взгляд на плотно усеянном и микрофонами, и диктофонами столе, улыбнулся и как-то неожиданно для зала сказал: «Я слушаю вас...» Пишущая братия, привычная к приятным в таких случаях вступительным словам, растерянно молчала. «Неужели за восемнадцать лет не накопилось вопросов?» И тут всех прорвало.

И все же журналисты деликатно избегали вопросов о взаимоотношениях Театра Любимова с губенковским, хотя порой они все же звучали, к сожалению, не всегда соотносимые с масштабами личности Мастера. Любимов отвечал в этих случаях несколько сумбурно, иногда был уклончив, а потом заметил: «Ваши вопросы, прямые, как ленинградские проспекты. А я москвич. Привык к кривым московским переулкам...»

— Я очень люблю Петербург, здесь у меня много друзей. Я даже жить буду

не в гостинице, а у одного из друзей. Всегда с теплотой буду помнить о том, что в давние годы, когда нас так ругали в Москве, зрители вашего города очень горячо наш театр принимали.

В этом городе, несмотря на ваше очень странное начальство, нас все же поддерживали, мы как-то проникали сюда. Я помню, привезли мы спектакль «Десять дней, которые потрясли мир». Неожиданный, спорный. Там вначале наши девушки танцуют, на входе билеты на штык накальвают, артисты семечки лузгают — и в фойе накальвают зрителям на грудь такой революционный красный бантик. И все начальство шарахалось от этого бантика. Это было очень смешно. Казалось бы, должны приветствовать символ революции, а они шарахались как от чумы...

— Меня столько ругало начальство, что к приемке спектакля я готовил тактический план: наступление, отступление. Я их все же как-то уважал, думал, мы с ними играем ну хотя бы в шахматы, они тоже хоть на два хода вперед думают. Ничего подобного!

Много забавного было. Мне, например, рекомендовали в спектакль о Пушкине вставить патристическое стихотворение «Клеветникам России». Тут я их и наколол: написал самому нашему застойщику уважаемому (тут мэтр мгновенно, по-ак-

терски, изобразил Брежнев): дескать, что же мне предлагают, чтобы, допустим, посол Польши встал и ушел, оскорбленный? Там же: «Великий рос... надменный лях...» Они даже придумать не могли ничего, что я им ответу на их глупости.

— Когда хвалят — приятно, когда ругают — два дня плохое настроение. А у меня даже меньше, полдня.

У нас в театре был уникальный художественный совет — какие люди, какие умы! Так неужели мы могли хуже разобраться, чем какой-нибудь критик или критикесса?.. Интересных статей о театре мало...

— Я с властями никогда не воевал, я воевал только за свои спектакли. Когда я пришел в театр, то дал себе слово никогда ничего не просить и ходить к начальству только по вызову. А когда вызывали, я спокойно, как Швейк, прихожу. И отвечаю только на их вопросы. А сам молчу. Вот в такой обстановке и складывался наш репертуар...

— «Живаго» возник потому, что был и есть Альфред Гарриевич Шнитке, мой старый друг. Работать было с ним чрезвычайно трудно, да и я ведь впервые писал либретто. Принес я Шнитке первую часть, а ему нужно все целиком, он человек чуткий к гармонии целого, ему нужно понять всю мою пар-

титуру целиком, чтобы создавать свою. Мы с ним имели счастье несколько раз работать. И я даже в какой-то момент думал: да и Бог с ним, со спектаклем! Может, спектакля и не будет — останется зато гениальная музыка Шнитке. Знаете, Немирович-Данченко говорил в свое время актерам: «Если Бог даст, то мы окажемся достойны музыки этого великого человека. И не знаю, сможем ли мы подняться до уровня этого музыканта». А сидел перед ними тогда странный такой, худой, почти мальчик, в очках... Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Вот так же и я думал о Шнитке.

— Что-то артисты сделают, ведь многие из них хорошо знали Володю Высоцкого. Но спектакля, который мы сделали в годовщину его смерти, уже нет.

Тогда, помню, его запретили. Пришлось к Андропову идти, лично разговаривал. На тот спектакль через оцепление народ шел. Сегодня конструкция этого спектакля привезти нельзя, сцена сегодняшняя не позволяет, да и сами они в полуразрушенном состоянии. Так что каким будет этот спектакль в Петербурге, сказать не берусь...

Записал Сергей АЛЕХИН,
соб. корр.

Фото Виктора ВАСЕНИНА.